

В других странах Юго-Восточной Азии индийское меньшинство незначительно: в государствах Восточной Индокитая — 6 тыс. человек, в Таиланде — 5 тыс. человек, в Индонезии еще меньше.

Авторы книги подробно остановились на положении сложившегося за время колониального господства западных держав своеобразного этнического меньшинства — евразийцев, возникшего в результате смешения европейского и коренного населения. С ликвидацией колониального статута большинства стран Юго-Восточной Азии они потеряли свое относительно привилегированное положение, связанное с тем, что они владели языком метрополии и играли роль посредников между колонизаторами и населением. Местными языками, ныне ставшими официальными, евразийцы, по словам авторов книги, владеют плохо, многие из них не имеют никакой квалификации, отношения с коренным населением у них не налажены. Евразийцы Бирмы, организованные в специальные союзы, объявили себя бирманцами. Те, кто выехал в Англию, не смогли там устроиться и начали возвращаться в Бирманский Союз.

Особенно много евразийцев в Индонезии; здесь они рельефнее, чем где бы то ни было, вырисовываются как обособленная этническая группа. После образования самостоятельного индонезийского государства евразийцам, которые в колониальный период считались голландцами, был дан двухлетний срок выбора между голландским и индонезийским гражданством. Из приблизительно 100 тыс. проживающих в Индонезии евразийцев только 16 тыс. оптировали индонезийское гражданство (в том числе 7 тыс. государственных служащих), остальные считаются голландцами, но остаются в Индонезии, так как для переезда и устройства в Голландии у них нет материальных возможностей.

Авторы книги рассматривают наряду с евразийцами так называемые «христианские меньшинства». Здесь Томсон и Адлофф смешивают национальный вопрос с религиозным. Известно, что миссионеры, особенно католические, зачастую обращали в христианство жителей целых деревень и даже областей, что создавало в некоторых случаях определенные особенности культуры и своеобразные традиции; поэтому имеется известная почва для этнического обособления христианских общин от окружающего населения. Заслуживают также внимания приводимые авторами данные о постепенной замене в период второй мировой войны и после нее европейского христианского духовенства служителями культа из числа представителей местных национальностей.

Этнограф найдет в книге Томсона и Адлоффа материал об амбонезцах — относительно многочисленном наименьшинстве, проживающем на Молуккских островах в Индонезии. Известно, что некоторые группы амбонезского населения (повидимому, феодальные элементы) пытались при поддержке империалистов образовать формально самостоятельную Южно-Молуккскую республику. Правительство Индонезии силой оружия подавило мятеж сепаратистов, которых не поддержало трудящееся амбонезское население (об этом последнем обстоятельстве авторы книги умалчивают). В книге имеется материал о каренах и об араканцах. Последних насчитывается почти 800 тыс. человек. Рецензируемая книга при всей своей тенденциозности (отрицание этнографической общности араканцев с бирманцами) пока единственный источник сведений об араканцах Бирмы.

Впервые в западной литературе в рассматриваемой книге освещается история так называемой «федерации Таи», образованной французами в Северном Вьетнаме в период колониальной войны. Несмотря на свою тенденциозность, В. Томсон и Р. Адлофф вынуждены признать неудачу плана колонизаторов — опереться в борьбе против вьетнамского народа на племена таи, мяо и мань, проживающие в этой части Вьетнама.

Таким образом, книга В. Томсона и Р. Адлоффа, при критическом к ней отношении полезна для этнографа, интересующегося фактическим материалом о национальных меньшинствах в странах Юго-Восточной Азии.

О. А. Артуров

Та ро Ва ка м о р и. *Нихон Миндозокугаку*. (Японская этнография) Изд. Кобундо, Токио, 1954.

Японская наука располагает довольно значительными кадрами исследователей-этнографов, среди которых ведущая роль принадлежит профессору Кунио Янагида. Под его руководством в послевоенные годы выходит этнографический журнал «Миндозокугаку кэнкю» и издан этнографический справочник «Миндозокугаку дзитэн». Опубликовано немало книг и статей японских авторов по различным вопросам этнографии Японии и других стран. Однако обобщающий сводный труд по этнографии Японии до сих пор отсутствовал. Этот пробел восполнен книгой Т. Вакамори «Нихон Миндозокугаку». Насколько велика была потребность в подобной книге, можно судить по тому, что уже через полгода после выхода ее в свет, она была издана повторно.

Как указывает сам автор, изданию этой книги предшествовала публикация его же лекций, читавшихся для студентов-историков. Это отразилось и на характере рассматриваемой книги, обладающей многими чертами учебного пособия.

Книга состоит из двух примерно равных частей: теоретической — «Очерк японской этнографии» и фактической — «Мир традиций». В первой части ставится вопрос о целях и задачах этнографии, о методах этнографических исследований, о сборе

информации. Разбираются также связи этнографии со смежными науками и дается краткая история развития японской этнографической науки. За исключением последнего, историографического отдела, эта часть не представляет большого интереса. Давать развернутую критику теоретических позиций автора в данной рецензии нет возможности, и я ограничусь изложением его взглядов.

Главной задачей этнографии Т. Вакамори считает изучение «традиций», понимаемых им весьма широко — изучение традиционной жизни «простого народа», как он выражается. Судя по приводимому фактическому материалу, под «простым народом» подразумевается преимущественно крестьянство. Т. Вакамори подчеркивает различие между этнографией своего народа и этнографией других, в основном, колониальных народов, хотя он должен констатировать, что за последнее время японские этнографы перестают признавать справедливость такого противопоставления. Касаясь связей и различий между историей и этнографией, автор утверждает, что если история изучает просто прошлое, то этнография должна изучать, как он говорит, «прошлое в настоящем».

После каждой главы приводится в помощь читателю список основной литературы по данному вопросу. Показательно, что среди этой литературы почти отсутствуют труды американских этнографов. Американская этнографическая школа с ее «моделями культуры» мало популярна в Японии, а попытка применения методов этой школы к изучению японцев, сделанная Рут Бенедикт в книге «Хризантема и меч», подверглась довольно резкой критике в японской печати, в частности и в рецензируемой книге. В вопросах теории Вакамори ссылается преимущественно на немецких этнографов, которыми и введен, собственно, принцип деления этнографии на «Volkskunde» и «Völkerkunde». Он базируется, в частности, на трудах А. Шпамера «Существо и задачи этнографии своего народа» («Wesen und Aufgabe der Volkskunde»), В. Шмидта «Völkerkunde und Volkskunde», В. Вунда «Культура и история» («Kultur und Geschichte»), а также некоторых французских ученых.

Основную ценность книги составляет ее вторая — фактическая часть, в которой дана богатая сводка данных по этнографии японского народа. Здесь подробно разбираются различные стороны жизни японского крестьянства, с отдельными экскурсами в быт городского населения. Не все главы удались автору одинаково, он не смог даже выдержать единый план освещения для таких сходных тем, как рыбная ловля и сельское хозяйство, но все они представляют большой интерес.

Фактическая часть открывается главой «Деревня». Автор предлагает в ней свое деление деревень на типы — горные деревни, низинные и т. д., указывает на различие между деревнями, образованными в новое время выходцами из разных мест, и деревнями старыми, развившимися из патронимий. Автор описывает, хотя и недостаточно последовательно, расслоение крестьян, характер земледелия, порядок вхождения в деревенский коллектив новых членов.

Главу «Производство» автор подразделил на параграфы: «Горные промыслы», «Рыбная ловля» и «Сельскохозяйственная организация». Параграфы эти неравноценны и неоднотипны.

В «горные промыслы» входят охота, углежжение и рубка леса. Автор вкратце описывает обряды и поверья охотников, углежогов и лесорубов, приводит примеры тайного охотничьего языка. Однако об орудиях и присмаках, используемых на этих промыслах, нет почти ни слова.

Параграф «Сельскохозяйственная организация» еще одностороннее. Здесь говорится только об организации труда, о формах трудового кооперирования, о взаимоотношениях «основных» и «боковых» семей, причем цель всего этого одна — смазать отношения эксплуатации, существующие в деревне, представить их как патриархально-общинные.

Удачнее всего параграф, посвященный рыбной ловле. В нем много говорится о поверьях и обрядах рыбаков, которые изложены очень подробно. Но наряду с этим описаны, хотя и скупо, орудия лова, указано, что у прибрежных рыбаков сохранились наиболее примитивные, архаичные лодки. Автор дает очень хорошую классификацию различных типов сочетания земледелия и рыбной ловли. В описании рыбацкой организации проступает та же тенденция патриархализации, но здесь она не затемняет описываемых фактов: показано, например, что владелец лодки и орудий лова получает из улова особую долю за лодку и орудия, что отношения хозяев средств лова с рыбаками, их не имеющими, могут быть многоступенчатыми, что в хозяйствах, имеющих мотоботы, дележ улова заменен денежной оплатой батраков, но пропорции остались старые, и т. д.

Кратко описав транспорт, под которым он подразумевает главным образом разные способы переноски груза и их историю, автор переходит к описанию «обстановки повседневной жизни». Здесь выделяются главы «Жилище», «Одежда», «Пища». В них даны не только сводки имеющихся сведений, но кое-где и программа исследований, указывающая на темы, подлежащие дальнейшему изучению. В этом проявляется характер книги как руководства-учебника.

В главе о жилище описано опять-таки не столько само жилище, сколько отношение к нему, историческое соотношение различных типов городского и сельского жилища, а также поверья, связанные с жилищем. В трактовке поверий чувствуется порочная концепция разрастания общественных форм из малой семьи: автор утверждает, что бог усадьбы перерос в бога рода, а затем в общепонское божество Инари, а

объект культа соответственно развивался от простого дерева через «нуса» (фетиш) и божицу к храму.

Наоборот, об одежде и пище в книге приведены чрезвычайно ценные сведения. Большой заслугой автора вообще является то, что он старается рассматривать все явления в историческом аспекте, в развитии и переходе от одной формы к другой, хотя, как мы уже видели, освещает эти явления далеко не всегда правильно. В частности, в данных главах он дает историческую последовательность распространения тех или иных видов обуви и одежды, говорит о возрастании числа приемов пищи от двух до пяти в день в отдельных местностях, о постепенном исчезновении обрядового отношения к сакэ и т. д. Автор подчеркивает деление пищи и одежды на повседневную и праздничную, с отдельными вариациями и переходными формами.

Последующие главы посвящены основным датам в году и в жизни человека и связанным с ними обычаям. Так, подробно описаны обычай, связанные с родами, с переходом мальчика в общество взрослых: в порядке испытания он должен выполнить определенную задачу, например, расчистить участок леса. Есть главы, посвященные свадьбе, похоронам, годовому празднику, празднику бога рода и т. д.

Последний раздел книги «Зачатки национальной культуры» содержит главы, посвященные моральным, литературным, художественным традициям. В них рассматриваются фольклор, народное искусство, нормы взаимоотношений людей в коллективе, например, соседских взаимоотношений в городе и деревне, обмен подарками и пр.

Книга написана довольно сложным языком. Постоянно используемые в ней народные термины записаны фонетически, без раскрывающих их смысл иероглифов. К недостаткам книги следует также отнести бедность ее иллюстрациями, которые к тому же изображают преимущественно ритуальные предметы и церемонии.

Имея в виду, что рецензируемая книга является единственной сводкой по этнографии японского народа (не считая устаревшей и поверхностной «Things Japanese» Чемберлена), было бы целесообразно издать вторую ее часть в переводе на русский язык.

С. Арутюнов

НАРОДЫ АМЕРИКИ

Kalervo Oberg. *Indian tribes of Northern Mato Grosso, Brazil, Washington, 1953.*

Калерво Оберг — американский этнограф. До войны занимался главным образом, изучением индейцев Северной Америки. В частности, им была написана работа о правовых отношениях у тлинкитов. Рецензируемая книга — одно из первых крупных исследований Оберга по этнографии Южной Америки. Она явилась результатом полевой работы автора в северном Мато Гроссо в 1947—1949 гг. Обергом были исследованы племена верхней Шингу — камайюра, бакаири, намбиквара и умотина. О других племенах района, а именно: ауэти, труман, ваура, калапало, куйкуру Оберг также сообщает некоторые сведения и приводит термины родства у этих племен. В начале книги он дает общую характеристику бассейна верхней Шингу, его природных условий, численности и этнического состава индейского населения, а также указывает на культурные черты, общие для всех племен этого района. Центральное место в книге занимает этнографическое описание индейцев камайюра, культура и общественный строй которых в наименьшей степени затронуты колонизацией. Оберг объясняет большую устойчивость самобытной индейской культуры племен верхней Шингу, особенно камайюра, труднодоступностью этого района в прошлом. Он указывает, что в настоящее время на р. Кулуэне и ее притоках построены аэродромы, чрезвычайно облегчившие проникновение в этот район пришлого населения. Правда, до сих пор бразильское правительство разрешает въезд в область Шингу только по специальным пропускам, мотивируя это заботой об индейцах. Однако Оберг отмечает, что, как только через Шингу пройдут коммерческие авиалинии, здесь появятся колонисты и золотонкатели, а с ними придут эксплуатация и болезни, начнется вымирание индейцев и деградация их культуры.

Оберг подробно характеризует различные стороны жизни индейцев камайюра. Живут они в деревнях, окруженных насаждениями фруктовых деревьев и полями маниоки. В каждом доме живет несколько семей (от 20 до 32 человек). Когда почва около деревни истощится, племя переселяется на другое место в пределах своей племенной территории. Однако во время сбора фруктов индейцы живут в старой деревне. Кроме того, она еще долгое время продолжает оставаться местом, где устраивается ежегодная религиозная церемония в честь умерших соплеменников.

Хозяйство камайюра характеризуется Обергом довольно детально. Однако он не сообщает ничего принципиально нового по сравнению со сведениями о хозяйстве